

II. СОГЛАСИЕ БЕЗ СОГЛАСИЯ: МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

Подлинно демократическое общество должно основываться на принципе «согласия управляемых». Эта идея снискала всеобщее признание, но с ней можно поспорить и как со слишком сильной, и как со слишком слабой. Она является слишком сильной, поскольку наводит на мысль о том, что народ должен быть управляемым и контролируемым. Она является слишком слабой, поскольку даже самые жестокие правители в известной мере нуждаются в «согласии управляемых» и обычно добиваются его, причем не только силой.

Меня интересует здесь то, как обстоит дело с этими вопросами в тех обществах, где есть свобода и демократия. На протяжении долгих лет народные массы пытались добиться большего участия в управлении собственными делами. На этом пути им удалось достичь определенных успехов, но пришлось испытать и горечь многих поражений. Между тем, появился определенный набор мудрых мыслей, оправдывающих сопротивление демократии со стороны элиты. Тем, кто надеется понять прошлое и сформировать будущее, хорошо было бы уделить серьезное внимание не только практике такого сопротивления, но и поддерживающей его доктринальной основе.

Эти вопросы рассматривались 250 лет назад в классических работах Давида Юма. Юм был поражен той «легкостью, с которой большинство управляется немногими, той безоговорочной покорностью, с которой люди вверяют судьбу своим правителям». Он находил это удивительным, поскольку «сила всегда на стороне управляемых». Если бы люди осознали это, они бы восстали и сбросили иго своих господ. Отсюда Юм сделал вывод, что управление основывается на контроле над мнением и что этот принцип «распространяется как на наиболее деспотичные и военные правительства, так и на самые свободные и народные».

Конечно же, Юм недооценивал действенность грубой силы. Более точным вариантом его утверждения будет следующее: чем «свободнее и популярнее» правительство, тем более необходимым становится для него опора на контроль за мнением ради обеспечения подчинения правителям.

То, что народ должен подчиняться, принимается как должное почти всеми типами управления. В демократии управляемые имеют право на согласие, но ничуть не больше. По терминологии современной прогрессивной мысли, население может играть роль «зрителей», но не «участников», если отвлечься от случайного выбора из среды лидеров,

представляющих подлинную власть. Такова политическая арена. Население должно быть полностью удалено и с арены экономической, где в значительной степени определяется то, что происходит в обществе. Согласно преобладающей демократической теории, в экономике широкая общественность не должна играть никакой роли. На протяжении истории эти положения оспаривались, но особую важность данные вопросы приобрели после первого в новое время подъема демократии в Англии XVII века. Смута той эпохи часто описывается как конфликт между королем и парламентом, однако как это часто бывает изрядная часть населения не желала быть управляемой ни одним из претендентов на власть, но лишь, как заявлялось в их памфлетах, «простолюдинами (countrymen) вроде нас, которые знают наши нужды», а «не рыцарями и джентльменами», которые «не ведают недугов народа» и будут «лишь угнетать нас».

Такие мысли причиняли большое беспокойство «достоинейшим мужам», как они сами себя называли, а по современной терминологии, «ответственным людям». Они были готовы пожаловать народу права, но лишь ограниченные, и с условием, что под «народом» не будет подразумеваться неорганизованная и невежественная чернь. Но как примирить этот основополагающий принцип социальной жизни с доктриной «согласия управляемых», которую в то время было не так-то легко подавить? Одно из решений проблемы предложил современник Юма Фрэнсис Хатчесон, выдающийся философ морали. Он выдвинул тезис, что принцип «согласия управляемых» не нарушается, когда правители навязывают общественности отвергаемые ею планы, если впоследствии «глупые» и «суеверные» массы «охотно согласятся» с тем, что «ответственные люди» сделали от их имени. Мы можем принять принцип «согласия без согласия» термин, впоследствии применявшийся социологом Франклином Генри Гиддингом. Хатчесон контролировал над чернью в родной стране, Гиддингс принудительное наведение порядка за границей. Он писал о Филиппинах, стране, которую в то время освобождала армия США, одновременно освобождая и несколько сот тысяч душ от земных забот, или же, как выражалась пресса, «устраивая массовые убийства туземцев на английский лад», чтобы «сбившиеся с пути праведного существа», оказывающие нам сопротивление, хотя бы «уважали наше оружие», а впоследствии признали, что мы желаем им «свободы» и «счастья». Чтобы объяснить все это в пристойно цивилизованных тонах, Гиддингс изобрел понятие «согласие без согласия»: «Если в последующие годы [завоеванный народ] поймет и признает, что оспариваемая им зависимость служила высшим интересам, то есть все основания утверждать, что эта власть была навязана с согласия управляемых», подобно тому, как родитель запрещает ребенку бегать по оживленной улице.

В этих объяснениях схвачен реальный смысл доктрины «согласия управляемых». Люди должны подчиняться своим правительствам, и будет достаточно, если они дадут согласие без согласия. В тираническом государстве или на зарубежных территориях допускается применение силы. Если же ресурсы насилия ограничены, согласие управляемых должно достигаться с помощью приема, который прогрессивное и либеральное мнение называет «изготовлением согласия».

Мощная PR-индустрия от самых ее истоков в начале XX столетия занималась «контролем над общественным мнением» так ее задачу описывали заправилы бизнеса. И они действовали в соответствии со своими словами; это одна из центральных тем современной

истории. Того, что PR-индустрия получила развитие прежде всего в «самой свободной» стране мира, как раз и следовало ожидать при правильном понимании максимы Юма.

Прошло несколько лет после выхода в свет процитированных произведений Юма и Хатчесона, и проблемы, вызванные чернью в Англии, распространились на восставшие колонии в Северной Америке. Отцы-основатели США повторяли настроения британских «достоинейших мужей» почти в тех же словах. Вот как об этом писал один из них: «Когда я говорю об общественности, то я имею в виду только разумную ее часть. Невежественные люди и плебеи столь же неспособны судить о способах [правления], сколь неспособны они справляться с [его] браздами». Его коллега Александр Гамильтон заявил, что народ это «большой зверь», которого надо укротить. Склонных к бунту и независимых крестьян надо учить иногда насильно тому, что идеалы революционных памфлетов не следует принимать всерьез. Простые люди должны иметь представителей в лице не подобных им простолюдинов, которые знают недуги народа, а в лице дворян, купцов, юристов и прочих «ответственных людей», которым можно поручить защиту привилегий.

Господствующая доктрина была ясно выражена президентом Континентального Конгресса и первым главным судьей Верховного Суда Джоном Джеем: «Люди, которым принадлежит страна, должны управлять ею». Осталось разрешить один вопрос: а кому же принадлежит страна? На этот вопрос предстояло ответить растущим частным корпорациям и структурам, предназначенным их защищать и под держивать, хотя до сих пор не так-то просто принудить общественность ограничиться зрительской ролью.

Если мы надеемся понять сегодняшний и завтрашний мир, то Соединенные Штаты, разумеется, представляют собой для исследования наиболее показательный пример. Одна причина тому их несравненная мощь. Другая их стабильные демократические институты. Кроме того, США больше других стран приближались к *tabula rasa*. Америка может быть «столь счастливой, сколь ей угодно», заметил Томас Пейн в 1776 году: «у нее есть чистый лист бумаги, чтобы писать на нем». Туземные общества были в значительной степени исключены из общего процесса. К тому же в США мало что осталось от более ранних европейских структур, что объясняет относительную слабость общественного договора и систем, на которые он опирается, зачастую уходящих корнями в докапиталистические институты. И еще: социальный и политический строй был спланирован в необычайной степени сознательно. Изучая историю, мы не можем проводить эксперименты, но США ближе других стран к «идеальному случаю» государственно-капиталистической демократии.

Кроме того, основным разработчиком этой модели являлся Джеймс Мэдисон, проницательный политический мыслитель, чьи взгляды, в основном, возобладали. В дебатах по поводу конституции Мэдисон подчеркивал, что если бы в Англии «выборы были открыты для всех классов общества, то собственность землевладельцев пошатнулась бы. Вскоре оказался бы принят аграрный закон», передающий землю безземельным. Конституционная система должна быть спроектирована так, чтобы предотвратить такую несправедливость и «обеспечить постоянные интересы страны», которые являются правами собственности.

Среди историков, изучающих Мэдисона, существует консенсус относительно того, что «конституция была по сути аристократическим документом, предназначенным для сдерживания демократических тенденций того периода», передав власть людям «лучшего сорта» и исключив тех, кто не был богатым, знатным или выдающимся в силу распоряжения политической властью (Ланс Бэннинг). Основная ответственность правительства состоит в «защите состоятельного меньшинства от большинства» заявил Мэдисон. Таков ведущий принцип демократической системы от ее истоков и по сей день.

В публичной дискуссии Мэдисон говорил о правах разных меньшинств, но совершенно ясно, что он подразумевал конкретное меньшинство, а именно, «состоятельное меньшинство». Современная политическая теория акцентирует мнение Мэдисона о том, что «при справедливом и свободном правлении права и собственности, и личности должны быть действенным образом защищены». Но в этом случае полезно взглянуть на доктрину более пристально. Нет прав собственности, есть лишь права на собственность, то есть права лиц, имеющих собственность. Допустим, я имею право на автомобиль, но мой автомобиль никаких прав не имеет. Следовательно, право на собственность отличается от других прав тем, что если одно лицо обладает собственностью, то другие этого права лишены: если я обладаю моим автомобилем, то вы нет, однако в справедливом и свободном обществе моя свобода слова не ограничит вашу. Следовательно, принцип Мэдисона заключается в том, что правительство должно охранять права личностей вообще, но при этом обязано обеспечить особые дополнительные гарантии для одного класса лиц, для собственников.

Мэдисон предвидел, что с течением времени демократическая угроза, вероятно, станет серьезнее из-за роста «числа тех, кто будет работать, испытывая всевозможные трудности жизни, и тайно вздыхать о более равном распределении ее благ». Мэдисон опасался того, что эти люди приобретут влияние. Он беспокоился по поводу «симптомов уравнительного духа», который уже возник, и предупреждал «о грядущей опасности», если право голоса отдаст «власть над собственностью в руки тех, кто ее не имеет». «Нельзя ожидать, что те, у кого нет собственности или надежды приобрести ее, будут в достаточной степени симпатизировать ее правам», объяснял Мэдисон. Его решением было навсегда доверить политическую власть тем, кто «владеет богатством нации и представляет его», «более способному кругу людей», а широкую общественность держать в состоянии раздробленности и дезорганизации.

Проблема «уравнительного духа», конечно же, возникает и за границей. Мы многое узнаём о «реально существующей демократической теории», изучая то, как эта проблема воспринимается. В особенности полезными здесь могут оказаться секретные документы, предназначенные для внутреннего пользования, в которых лидеры могут излагать свои мысли с большей долей искренности и открытости.

Возьмем важный пример Бразилии, этого «колосса на юге». Во время визита в 1960 году президент Эйзенхауэр заверил бразильцев в том, что «наша социально ориентированная система частного предпринимательства благоприятствует всему народу, собственникам и рабочим в равной степени... В свободе бразильский рабочий счастливо демонстрирует радости жизни при демократической системе». Посол добавил, что влияние США «сломало старые порядки в Южной Америке», распространив в ней «такие революционные идеи, как

обязательное бесплатное образование, равенство перед законом, относительно бесклассовое общество, ответственная демократическая система правления, свободное предпринимательство, основанное на конкуренции, и баснословно высокий жизненный уровень для масс ».

Но бразильцы резко прореагировали на хорошую новость, принесенную их северными наставниками. Латиноамериканские элиты «подобны детям» информировал госсекретарь Джон Фостер Даллес Национальный Совет по безопасности «и они практически неспособны к самоуправлению». И, что еще хуже, США «безнадежно отстали от Советов в разработке методов контроля над умами и эмоциями неискующих народов». Даллес и Эйзенхауэр выразили озабоченность по поводу коммунистической «способности устанавливать контроль над движениями масс», тогда как «мы к этому неспособны»: «они обращаются именно к бедным людям и они всегда хотели грабить богачей».

Иными словами, проблема власть имущих заключается в том, что им трудно внушить народу доктрину, согласно которой богатые должны грабить бедных. Эта проблема пропаганды не решена до сих пор.

Администрация Кеннеди пыталась решить вышеупомянутую проблему, переориентировав латиноамериканских военных с задачи «обороны полушария» на обеспечение «внутренней безопасности», что возымело роковые последствия, начиная с жестокого и кровавого военного переворота в Бразилии. Вашингтон считал военных в Бразилии «островом здравомыслия», и посол Кеннеди, Линкольн Гордон, приветствовал этот путч как «демократическое восстание», ставшее поистине «уникальной и наиболее решительной победой свободы в середине XX века». Бывший экономист из Гарвардского университета, Гордон добавлял, что эта «победа свободы» то есть насильственное свержение парламентской демократии обязательно создаст «значительно лучший климат для частных инвестиций», чем способствовал дальнейшему прояснению оперативного смысла терминов «свобода» и «демократия».

Спустя два года министр обороны США Роберт Макнамара проинформировал своих коллег о том, что «политика США по отношению к латиноамериканским военным в целом оказалась весьма эффективной, так как они добились поставленных перед ними целей». Эта политика улучшила «возможности достижения внутренней безопасности» и способствовала установлению «преобладающего военного влияния США». Латиноамериканские военные понимают свои задачи и обеспечены всем необходимым для их выполнения благодаря принятым Кеннеди программам военной помощи и подготовки. Эти задачи включают свержение гражданских правительств «повсюду, где, по мнению военных, поведение этих лидеров вредит благополучию нации». Интеллектуалы из окружения Кеннеди поясняли, что такие действия военных необходимы «в латиноамериканской культурной среде». И теперь, когда эти военные обрели «понимание целей США и начали на них ориентироваться», мы можем быть уверены, что эти действия будут выполнены как следует. Это обеспечивает должный исход «революционной борьбы за власть между основными группами, образующими нынешнюю классовую структуру» в Латинской Америке, исход, который защитит «частные инвестиции США» и их торговлю, «экономические корни», находящиеся в центре «политических интересов США в Латинской Америке».

Таковы секретные документы, на этот раз либерализма Кеннеди. Публичные речи, естественно, от них отличаются. Если мы будем придерживаться публичных речей, мы мало что поймем в истинном значении «демократии» или в событиях прошедших лет, связанных с мировым порядком. В этом случае непостижимым для нас окажется и будущее, поскольку бразды правления по-прежнему находятся в тех же самых руках.

Более серьезные ученые прекрасно понимают суть дела. «Государства национальной безопасности», насажденные и поддерживаемые Соединенными Штатами, обсуждаются в серьезной книге Ларса Шульца, одного из ведущих специалистов по Латинской Америке. Их целью, по его словам, была «непрерывная борьба с замеченной угрозой существующим структурам социально-экономических привилегий посредством исключения из политики большинства населения», «большого зверя» Гамильтона. В самом США цели в основе своей те же, хотя средства их достижения другие.

Этот образец продолжает действовать и сегодня. Чемпионом по нарушениям прав человека в западном полушарии является Колумбия, но ведь это и главный получатель американской военной помощи и подготовки за последние годы. Предлогом для нее служит «война с наркобизнесом», однако это «миф», о чем регулярно сообщают основные группы по правам человека, церковь и прочие исследователи потрясающих фактов зверств и близких связей между наркоторговцами, землевладельцами, военными и их партнерами из полувоенных формирований. Государственный террор сокрушил народные организации и фактически уничтожил единственную независимую политическую партию в стране убийствами тысяч активистов, в том числе кандидатов в президенты, мэров и других. Тем не менее, Колумбия приветствуется как стабильная демократия, что опять же изобличает, что имеется в виду под «демократией».

Особенно поучительным примером служит реакция на первый демократический эксперимент Гватемалы. В этом случае документы частично доступны, поэтому нам известно многое об идеях, направлявших американскую политику в отношении этой страны. В 1952 году ЦРУ предупреждало, что «радикальная и националистическая политика» правительства снискала «поддержку или молчаливое согласие почти всех гватемальцев». Правительство «мобилизовало бывшее до сих пор политически инертным крестьянство» и создавало «массовую поддержку нынешнего режима» посредством организаций трудящихся, аграрной реформы и прочих политических действий, «отождествлявшихся с революцией 1944 года», которая пробудила «мощное национальное движение с целью освободить Гватемалу от военной диктатуры, социальной отсталости и «экономического колониализма», которые были свойственны модели прошлого». Политика демократического правительства «получала поддержку и одобрение со стороны большинства политически сознательных гватемальцев и соответствовала их личным интересам». Разведка Госдепартамента сообщала, что демократическое руководство «настаивало на сохранении открытой политической системы», тем самым позволяя коммунистам «расширить их операции и эффективно воздействовать на различные группы населения». Эти недуги демократии были излечены военным переворотом 1954 года и установившимся с тех пор царством террора, постоянно пользовавшимся широкомасштабной поддержкой США.

Проблема обеспечения «согласия» возникла и в международных организациях. Поначалу ООН служила надежным орудием американской политики и вызывала большой восторг. Но деколонизация породила то, что впоследствии назвали «тиранией большинства». Начиная с 60-х годов XX века, Вашингтон взял на себя инициативу по наложению вето на резолюции Совета Безопасности (Британия была второй, а Франция на некотором отдалении третьей) и голосовал в одиночестве или с несколькими государствами-сателлитами против резолюций Генеральной Ассамблеи. ООН впала в немилость, и начали появляться здравые статьи с вопросами о том, почему мир «противостоит Соединенным Штатам»; мысль о том, что Соединенные Штаты могут противостоять миру, чересчур причудлива, чтобы ее поддерживать. Отношения США с Международным судом и прочими международными организациями претерпели аналогичную эволюцию, к чему мы еще вернемся.

Мои комментарии по поводу мэдисоновских корней господствующих понятий демократии грешат несправедливостью в одном важном отношении. Подобно Адаму Смиту и прочим основоположникам классического либерализма, Мэдисон по своему духу был мыслителем докапиталистического и антикапиталистического склада. Он ожидал, что правителями станут «просвещенные государственные мужи» и «благожелательные философы», «чья мудрость может наилучшим образом разглядеть истинные интересы их страны». А также, что они будут «совершенствовать» и «обогащать» «взгляды народа», охраняя подлинные интересы страны от «злонамеренности» демократического большинства, но просвещенным и благожелательным образом.

Вскоре Мэдисон получил урок совершенно иного свойства: «зажиточное меньшинство» начало использовать обретенную власть во многом так, как за несколько лет до этого предрекал Адам Смит. Это меньшинство было полно решимости проводить в жизнь то, что Смит называл «подлой максимой» хозяев: «Всё для нас и ничего для других». В 1792 году Мэдисон предупреждал, что возникающее развитое капиталистическое государство «заменяло мотив общественного долга мотивом личной выгоды», что привело к «реальному господству немногих под личиной мнимой свободы многих».

Он порицал «дерзкую развращенность сего века», когда частные собственники «становятся преторианской бандой правительства его орудиями и тиранами одновременно, подкупленными его щедротами и внушающими ему благоговейный страх громкими протестами и заговорами». Они бросают на общество тень, которую мы называем «политикой», комментировал впоследствии Джон Дьюи. Один из крупнейших философов XX века и ведущая фигура североамериканского либерализма, Дьюи подчеркивал, что демократия практически лишена содержания, если жизнью страны управляет большой бизнес, контролирующий «средства производства, обмен, рекламное дело, транспорт и связь и подчинивший себе прессу, журналистов и различные средства рекламы и пропаганды». Помимо этого, он утверждал, что в свободном и демократическом обществе рабочие должны быть «хозяевами своей трудовой судьбы», а не инструментами, нанятыми своими хозяевами, эти идеи можно проследить вплоть до классического либерализма и эпохи Просвещения, они непрерывно всплывали в народных движениях и в США, и в других странах.

За прошедшие 200 лет произошло много изменений, но предупреждения Мэдисона стали лишь более уместными и приобрели новый смысл с установлением великих частнособственнических тираний, которых наделили мощнейшей властью в начале XX века. Сперва это сделали суды. Теории, предназначенные для оправдания этих «коллективных правовых субъектов», как иногда их называют историки права, основаны на идеях, которые лежат в основе также фашизма и большевизма: права этих субъектов выше и значительнее, чем права личностей. Эти «коллективные правовые субъекты» пользуются значительными льготами, предоставляемыми им государством; более того, эти «коллективные правовые субъекты» по сути дела повелевают государствами, оставаясь, по выражению Мэдисона, «и орудиями, и тиранами». Они установили прочный контроль над национальной и международной экономикой, равно как и над информационной системой и системой идеологических представлений общества. Это положение дел напоминает еще об одном предупреждении: «народное правительство без народной информации или средств ее получения это лишь пролог к фарсу или к трагедии, а то и к тому, и к другому».

Теперь взглянем на доктрины, хитроумно изготовленные ради насаждения современных форм политической демократии. Они с большой точностью изложены в важном учебнике по PR-индустрии, написанном одной из его ведущих фигур, Эдуардом Бернайсом. Он начинает с замечания о том, что «сознательная и разумная манипуляция организованными привычками и мнениями масс является важным элементом демократического общества». Ради выполнения этой основополагающей задачи «разумные меньшинства должны использовать пропаганду непрестанно и систематически», потому что только они «понимают ментальные процессы и социальные модели в массах» и могут «дергать за веревочки, управляющие общественным мнением». Потому-то наше «общество и согласилось с тем, что его руководство и пропаганда организовали свободную конкуренцию», другой случай «согласия без согласия». Пропаганда снабжает руководство меха низмом «формирования мнения масс», чтобы «массы применили свою вновь обретенную силу в желательном направлении». Руководство «может муштровать каждый элемент общественного мнения подобно тому, как армия муштрует тела своих солдат». Такой процесс «изготовления согласия» является самой «сутью демократического процесса», писал Бернайс незадолго до того, как в 1949 году был награжден за свои работы Американской Психологической Ассоциацией.

Важность «контроля над общественным мнением» признавалась с растущей отчетливостью по мере того, как народным движениям удавалось расширять процесс демократизации, тем самым породив то, что либеральные элиты называют «кризисом демократии»: население, обыкновенно пассивное и апатичное, становится организованным и стремится выйти на политическую арену, чтобы реализовать собственные интересы и требования, угрожая тем самым стабильности и порядку. Как объяснил проблему Бернайс, «всеобщее избирательное право и школьное обучение... в конце концов, привело к тому, что простого народа стала страшиться даже буржуазия. Ибо массы обещали сделаться королем», но была надежда, что эту тенденцию удастся повернуть вспять по мере того, как изобретались и внедрялись новые методы «формирования мнения масс».

Хороший либерал эпохи «нового курса», Бернайс получил свою квалификацию в Комитете Вудро Вильсона по публичной информации, первом американском агентстве по

государственной пропаганде. «Потрясающий успех пропаганды в годы войны открыл глаза разумному меньшинству во всех жизненных сферах на возможности манипуляции общественным мнением», писал Бернайс в своем PRучебнике под названием «Пропаганда». Представителям разумного меньшинства, вероятно, было невдомек, что их «потрясающий успех» в немалой степени объяснялся пропагандистскими утками о гуннских зверствах, уготованных им британским Министерством информации, которое тайно определило свою задачу так: «направлять мысли большинства жителей земного шара».

Всё это хорошая вильсоновская доктрина, известная как «вильсоновский идеализм» в политической теории. Согласно собственным взглядам Вильсона, элита джентльменов с «возвышенными идеалами» необходима для поддержания «стабильности и справедливости». И именно разумное меньшинство «ответственных людей» должно осуществлять контроль над принятием решений писал Уолтер Липпман, другой ветеран Комитета Вильсона по пропаганде, в своих влиятельных очерках по демократии. Липпман был также наиболее уважаемой фигурой в журналистике США и выдающимся комментатором по социальным вопросам в течение полувека. Он детально разработал теорию, согласно которой разумное меньшинство представляет собой «специализированный класс», ответственный за ориентацию политики и «формирование здравого общественного мнения». Этот класс должен быть избавлен от вмешательства со стороны широкой публики, «невежественных аутсайдеров, сующихся не в свое дело». Публику нужно «поставить на место», продолжал Липпман; ее «функция» быть «наблюдателями действия», а не его участниками, не считая периодически проходящих выборов, на которых публике приходится выбирать своих руководителей из среды специализированного класса. Лидерам же надо предоставить свободу работы в «технократической изоляции» (мы заимствуем новейшую терминологию Всемирного Банка).

В своей «Энциклопедии социальных наук» Гарольд Лассуэлл, один из основоположников современной политологии, предупреждал, что разумное меньшинство должно «распознавать невежество и идиотизм масс» и не поддаваться «демократическому догматизму, согласно которому простые люди наилучшие судьи собственных интересов». Не они наилучшие судьи, а мы. Массы следует контролировать ради их же блага, и в наиболее демократических обществах, где сила не применяется, социальным менеджерам придется обратиться к «совершенно новому методу контроля, в значительной степени с помощью пропаганды».

Заметьте, что это хорошая ленинистская доктрина. Аналогии между прогрессивной теорией демократии и марксизмом-ленинизмом довольно-таки удивительны, хотя Бакунин предсказывал их задолго до нашего времени.

Вместе с правильным пониманием идеи «согласия» мы угадываем, что претворение в жизнь планов бизнеса, сопровождающееся игнорированием возражений широкой общественности, происходит «с согласия управляемых»: одна из форм «согласия без согласия». Вот честное описание того, что происходит в Соединенных Штатах. Между предпочтениями публики и публичной политикой зачастую бывает зазор. В последние годы этот зазор сделался значительным. Следующее сравнение проливает дальнейший свет на функционирование демократической системы.

Более 80 % общественности полагает, что управление Соединенными Штатами «осуществляется ради выгоды немногих и ради особых интересов, но не для народа» что выше 50 % в предшествующие годы. Свыше 80 % считает, что экономическая система «по сути несправедлива» и что рабочие слишком мало влияют на происходящие в стране события. Более 70 % ощущает, что «бизнес приобрел чересчур большую власть над слишком многими аспектами американской жизни». И в пропорции чуть ли не 20:1 общественность полагает, что корпорациям «следовало бы иногда жертвовать частью своей прибыли для улучшения положения их рабочих и сообществ».

В важнейших аспектах общественность упрямо остается на социал-демократических позициях. Подобное положение дел имело место даже в годы правления Рейгана, несмотря на изрядное количество мифов, утверждающих обратное. Но мы также должны заметить, что этим позициям далеко до идей, одушевлявших демократические революции. Рабочий народ Северной Америки в XIX веке не умолял своих правителей сделаться более благосклонными. Скорее он отрицал их право на управление. «Те, кто работает на заводах, должны владеть ими», требовала рабочая печать, поддерживая идеалы американской революции в том виде, как их понимала опасная чернь.

Состоявшиеся в 1994 году выборы в Конгресс поучительный пример несовпадения риторики и фактов. Их назвали «политическим землетрясением», «обвальной победой» и «триумфом консерватизма», отражающим продолжающийся «дрейф вправо», когда избиратели дали «всепобеждающий народный мандат» ультраправой армии Ньюта Гингрича, который обещал «сбросить правительство с наших спин» и вернуть счастливые дни, когда царил свободный рынок.

Если обратиться к фактам, то «обвальная победа» была одержана с участием лишь чуть более половины проголосовавших, что составляет около 20 % электората, и эти цифры почти не отличаются от происшедшего двумя годами раньше, когда выиграли демократы. Один из шести проголосовавших описал результат как «подтверждение повестки дня республиканцев». Один из четырех слышал о «Договоре с Америкой», в котором была представлена эта повестка дня. А будучи осведомленным, громадное большинство населения по сути дела противостояло всему этому. Около 60 % общественности желало повышения социальных расходов. Год спустя 80 % общественности утверждало, что «федеральное правительство должно защищать наиболее уязвимые категории общества, в особенности бедных и пожилых людей, гарантируя им минимальный жизненный уровень и обеспечивая их социальными пособиями». От 80 до 90 % американцев поддерживают федеральные гарантии государственной помощи для нетрудоспособных, страховку по безработице, льготы на лекарства по рецептам и санитарный уход на дому для пожилых людей, минимальный уровень цен в здравоохранении, а также социальные гарантии. 3/4 американцев поддерживают федеральные гарантии охраны детства (детсады и ясли) для работающих матерей с низкими доходами. Стойкость таких взглядов особенно поразительна в свете неослабевающего натиска пропаганды с целью убедить общественность, что она исповедует совсем «не те» убеждения.

Исследования общественного мнения показывают, что чем больше избиратели узнавали о программе республиканцев в Конгрессе, тем сильнее они противостояли этой партии и ее

программе для Конгресса. Знаменосец «революции» Ньют Гингрич был непопулярным даже во время своего «триумфа»; впоследствии его популярность неуклонно падала, и в итоге он сделался, вероятно, самой непопулярной политической фигурой в США. Одной из наиболее комических черт выборов 1996 года стала ситуация, когда самые близкие соратники Гингрича из всех сил старались отрицать всякую связь со своим лидером и его идеями. На первичных выборах для определения кандидатов так называемых праймериз, первым из кандидатов, которому предстояло сойти со сцены, оказался Фил Грамм, единственный представитель конгрессменов-республиканцев, хорошо финансировавшийся и говоривший все слова, какие избирателям, согласно газетным заголовкам, полагается любить. В действительности же стоило кандидатам встретиться с избирателями в январе 1996 года, как почти весь круг спорных политических вопросов внезапно «испарился». Наиболее драматический пример относится к сбалансированию бюджета. На протяжении 1995 года все важнейшие дискуссии в стране касались того, сколько лет на это потребуется семь или чуть больше. Когда бушевал спор, правительству несколько раз затыкали рот. Но как только начались предварительные выборы, разговоры о бюджете умолкли. «Уолл-стрит джорнэл» с удивлением сообщала что избиратели «отказались от своей заикливости на сбалансировании бюджета». На самом деле избиратели «заиклились» как раз на противоположном, что систематически показывали опросы: на противодействии сбалансированию бюджета на любых минимально реалистических условиях.

Точнее говоря, некоторые категории общественности действительно разделяли «заикливость» обеих политических партий на сбалансировании бюджета. Так, в августе 1995 года бюджетный дефицит, наряду с бездомностью, был избран в качестве важнейшей проблемы страны пятью процентами населения. Но оказалось, что 5 % заикливых на бюджете это люди, имеющие вес в обществе. «Американский бизнес высказался: сбалансируйте федеральный бюджет», объявил еженедельник «Бизнес уик», сообщив о результатах опроса руководства компаний. А когда высказывается бизнес, говорят представители того политического класса и тех СМИ, которые информировали общественность о том, что она якобы потребовала сбалансированного бюджета, и подробно рассказали об урезании социальных расходов в соответствии с волей народа, но, как показали опросы, это произошло при игнорировании значительного противодействия со стороны самого народа. Неудивительно, что стоило политикам столкнуться с «большим зверем», как эта тема внезапно исчезла из виду.

Также неудивительно, что планы продолжают проводиться в жизнь старым испытанным способом: жестокое и зачастую непопулярное урезание социальных расходов сопровождается, однако же, ростом бюджета Пентагона. В обоих случаях наблюдается как противодействие подобного рода политике со стороны общественности, так и ее мощная поддержка со стороны бизнеса. Причины увеличения военных расходов будет нетрудно понять, если мы уясним роль пентагоновской системы для США: перемещать социальные фонды в передовые секторы промышленности, чтобы, к примеру, защищать богатых избирателей Ньюта Гингрича от рыночных строгостей с помощью правительственных субсидий, превосходящих таковые для любого другого пригородного района в стране (за пределами самого федерального правительства), пока лидер консервативной революции обличает это правительство и прославляет замшелый индивидуализм.

С самого начала по результатам опросов было ясно, что байки о сокрушительной победе консерваторов представляют собой ложь. Теперь обман молчаливо признан. Специалист по общественному мнению, принадлежащий к поддерживавшим Гингрича республиканцам, объяснил, что когда он сообщил, что большинство поддержало «контракт с Америкой», он имел в виду, что этим людям нравились лозунги, использованные для «упаковки». К примеру, его исследования показали, что публика противодействует сворачиванию системы здравоохранения и хочет «сохранять, защищать и укреплять» ее «для следующего поколения». Итак, фактический демонтаж системы здравоохранения подан в упаковке «решения, сохраняющего и защищающего» систему здравоохранения для следующего поколения. То же верно и по отношению к другим идеологическим лозунгам консерваторов.

Все это весьма естественно для общества, которое по сути дела управляется бизнесом и тратит на маркетинг гигантские расходы: один триллион долларов в год, 1/6 валового внутреннего продукта, причем значительная их часть исключается из суммы, подлежащей налогообложению, так что люди платят за привилегию подвергаться манипуляциям собственными мнениями и поведением.

Но «большого зверя» трудно укротить. Многократно полагали, будто эта проблема решена и достигнут «конец истории» в воплощенной утопии хозяев. Один из классических моментов относится к истокам неолиберальной доктрины в начале XIX века, когда Давид Рикардо, Томас Мальтус и другие великие фигуры классического либерализма провозгласили, что новая наука с непреложностью законов Ньютона доказала, что мы лишь вредим бедным, стараясь помочь им, и что лучший подарок, который мы можем предложить страдающим массам, состоит в избавлении их от иллюзии, будто они имеют право на жизнь. Новая наука якобы доказала, что у людей нет прав, кроме тех, каких они могут добиться на нерегулируемом рынке труда. В 30-е годы XIX века казалось, что в Англии эти доктрины одержали победу. Одновременно с триумфом правой мысли, служившей интересам британских мануфактурщиков и финансистов, народ Англии был «загнан на тропы утопического эксперимента», как пятьдесят лет назад в своей классической работе «Великое преобразование» писал Карл Поланьи. Это был «самый безжалостный акт социальной реформы» за всю историю, продолжал он, акт, «сокрушивший множество жизней». Но возникла непредвиденная проблема. Глупые массы стали приходить к выводу: «если у нас нет права на жизнь, то у вас нет права на управление». Британской армии пришлось бороться с бунтами и беспорядками, а вскоре возникла еще более серьезная угроза начали организовываться рабочие, требовавшие, чтобы фабричные законы и социальное законодательство защитило их от жестокого неолиберального эксперимента. Зачастую же требования трудящихся шли гораздо дальше просьб о социальной защите. Наука, к счастью, гибкая, обретала новые формы по мере сдвига мнения элиты, реагировавшей на неконтролируемые народные силы, которые в один прекрасный день поняли, что свое право на жизнь надо сохранять с помощью разного рода общественных договоров.

Во второй половине XIX столетия многим казалось, что порядок восстановлен, хотя кое-кто с этим не соглашался. Так, знаменитый художник Уильям Моррис оскорбил респектабельное мнение, объявив себя в одной из оксфордских бесед социалистом. Он признал, что «принято считать, будто система «будь конкурентоспособным, а отставших пусть заберет дьявол»

последняя истина в экономике, которую увидит мир; что она представляет собой совершенство, и поэтому в ней была достигнута законченность». Но если история подошла к концу, продолжал он, то «цивилизация умрет». А в это он отказывался поверить, несмотря на самонадеянные декларации «весьма ученых людей». Как показала борьба народных масс, он был прав.

В США столетие назад «веселые девяностые» тоже приветствовались как эпоха «совершенства» и «законченности». А в «ревущие двадцатые» самонадеянно полагали, будто рабочее движение сокрушено навечно и достигнута утопия хозяев, и это в «чрезвычайно недемократичной Америке», како вая была «создана вопреки протестам ее рабочих», комментирует Дэвид Монтгомери, историк из Йельского университета. Но торжества снова оказались преждевременными. Через несколько лет «большой зверь» опять-таки выскочил из клетки, и даже в Соединенных Штатах, в обществе, управляемом бизнесом *par excellence*, борьба народных масс привела к тому, что народу пришлось пожаловать права, давным-давно завоеванные в куда более «автократичных» обществах.

Сразу же после Второй мировой войны бизнес начал грандиозное пропагандистское наступление, чтобы отвоевать утраченное. К концу 50-х годов XX века широко распространилось мнение, будто чаемая цель достигнута. Мы достигли «конца идеологии» в индустриальном мире писал гарвардский социолог Дэниэл Белл. Несколькими годами раньше, будучи редактором ведущего делового журнала «Форчун», он сообщал о «головокружительном» размахе проводившихся бизнесом пропагандистских кампаний, направленных на преодоление социал-демократических взглядов, которые сохранились в послевоенные годы.

Но опять же торжество оказалось преждевременным. События 60-х годов XX века продемонстрировали, что «большой зверь» все еще крадет за добычей, и это снова вызвало страх перед демократией среди «ответственных людей». Трехсторонняя комиссия, основанная Дэвидом Рокфеллером в 1973 году, посвятила свое первое большое исследование «кризису демократии» во всем индустриальном мире, связанному с тем, что широкие слои населения стремились выйти на публичную арену. Наивный наблюдатель мог бы счесть это шагом на пути к демократии, но комиссия считала демократию «чрезмерной» и надеялась вернуть дни, когда, как сказал один американский репортер, «Трумэн был способен управлять страной в компании относительно небольшого количества юристов и банкиров с Уолл-стрита». Тогда, дескать, была подлинная «умеренность в демократии». Особо беспокоили Комиссию неудачи в деятельности учреждений, которые она считала ответственными «за индоктринацию молодежи», имея при этом в виду школы, университеты и церкви. Для того, чтобы преодолеть кризис демократии, комиссия предложила способы восстановления дисциплины и возвращения широкой общественности к покорности.

И это при том, что Трехсторонняя Комиссия представляет сравнительно прогрессивные интернационалистские круги власти и интеллектуальной жизни в США, Европе и Японии: из ее рядов вышла почти вся администрация Картера. Правое крыло занимает гораздо более жесткие позиции.

Начиная с 70-х годов XX века, изменения в международной экономике вложили новое оружие в руки хозяев, дав им возможность ускользнуть от ненавистного общественного договора, к заключению которого их вынуждала борьба народных масс. Политический спектр в Соединенных Штатах всегда весьма узкий теперь стал почти невидимым. Несколько месяцев спустя после прихода Билла Клинтона к власти передовая статья в «Уоллстрит джорнэл» выразила удовольствие по поводу того, что «мистер Клинтон и его администрация берутся решать проблему за проблемой на той же стороне, что и корпоративная Америка», вызывая одобрительные возгласы у глав крупнейших корпораций, которые пришли в восторг оттого, что «с этой администрацией мы ладим гораздо лучше, чем ладили с предыдущими», как выразился один из боссов большого бизнеса.

Год спустя лидеры бизнеса поняли, что они смогут еще больше преуспевать, и к сентябрю 1995 года «Бизнес уик» сообщил, что новый Конгресс «представляет собой веху для бизнеса. Никогда прежде с таким энтузиазмом американских предпринимателей не осыпали таким количеством подачек». На ноябрьских выборах 1996 года оба кандидата были умеренными республиканцами и длительное время принадлежали к ближнему правительственному кругу, будучи кандидатами от мира бизнеса. Как сообщала деловая пресса, эта кампания отличалась «исторической скукой». Опросы показали, что, вопреки рекордным расходам, интерес общественности упал даже ниже предшествовавших низких уровней и что избирателям не нравился ни один из кандидатов и они мало что ожидали от каждого из них.

Существует широкомасштабное недовольство функционированием демократической системы. Как сообщают, аналогичное явление наблюдается в Латинской Америке, и хотя условия там совсем иные, некоторые из причин те же, что и в США. Аргентинский политолог Аттилио Борон подчеркнул тот факт, что в Латинской Америке демократический процесс установился вместе с неолиберальными экономическими реформами, принесшими несчастья большинству населения. Проведение аналогичных программ в богатейшей стране мира вызвало те же последствия. Когда более 80 % населения полагает, что демократическая система это пока зуха, а экономика страны «по сути несправедлива», «согласие управляемых» становится все более несостоятельным.

Деловая пресса сообщает «о полном подчинении труда капиталом за последние 15 лет», что позволило капиталу одержать много побед. Но она также предупреждает, что славные деньки могут продлиться недолго из-за усиления «агрессивной кампании» рабочих ради обеспечения так называемого «прожиточного минимума» и «гарантированного большего куска пирога».

Следует вспомнить, что всё это мы уже неоднократно проходили. «Конец истории», «совершенство» и «завершенность» провозглашались часто и всегда ложно. И если говорить реалистично, то, по моему, за всем этим пошлым повторением пройденного оптимистическая душа все-таки может разглядеть медленный прогресс. В передовых индустриальных странах, а зачастую и не только в них, борьба народных масс может начаться на более высоком уровне и с большими надеждами, чем в «веселые девяностые», «ревушие двадцатые» или даже тридцать лет назад. Международная солидарность может обретать новые и более конструктивные формы по мере того, как подавляющее

большинство жителей земного шара будет осознавать, что у них в значительной степени одни и те же интересы и что эти интересы можно реализовать в совместной борьбе. Полагать, что нас ограничивают таинственные и неведомые социальные законы, в настоящее время не дольше оснований, чем прежде: не только решения, принимаемые в рамках организаций, подвластны человеческой воле, но и сами человеческие организации должны пройти тест на легитимность, и если они не пройдут его, их можно будет заменить другими, более свободными и справедливыми, как это часто происходило в прошлом.

Вариант этой статьи был первоначально опубликован в Южной Америке в переводах на испанский и португальский языки в 1996 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чистой доске (лат.). Прим. пер.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 1 августа 2025 13:29:07

██████████ ██████████ обновил 1 августа 2025 13:29:28